

Вот вам и второй мир Между «богатым Севером» и «бедным Югом»

Параг ХАННА

Описание происходящих в мире политических и экономических изменений часто сталкивается с проблемой терминологического дефицита. Так, явно уже неадекватным оказывается разделение мира на Запад и нечто под названием «третий мир». Китай, например, даже с натяжкой невозможно отнести к «третьему миру», равно как и Бразилию с Индией. А этот «новый» или как любят говорить американцы, «остальной» мир наступает, заставляя экспертное сообщество в США не только обращаться к гипотезе о «мире без Америки», или же «постамериканском мире», но еще и «путается» в вопросе о том, как обозначить главных действующих лиц нового расклада сил на планете.

«Русский Журнал» представляет вниманию читателя своего рода терминологическое введение в американский постамериканизм, которое предлагает эксперт фонда «Новая Америка» Параг Ханна*. Параг Ханна – молодой американский политолог и экономист, автор книги «Второй мир: империи и влияние в новом глобальном миропорядке» (2008) – предлагает называть страны, которые в принципе были бы способны конкурировать с Соединенными Штатами Америки в этом новом «постамериканском мире» – «вторым миром». «Второй мир», согласно Ханне, это страны, которые по ряду параметров приближаются к пресловутому «золотому миллиарду», но по другим характеристикам ближе к «бедному Югу». Возникновение «второго мира» явилось следствием крушения глобальной биполярной системы, где главные роли играли США и СССР.

Теперь, по мнению Ханны, Россия тоже относится к государствам «второго мира» – однако лидером этой группы, безусловно, является Китай. Впрочем, при внимательном ознакомлении с текстом Ханны, становится очевидно, что его схема страдает определенной расплывчатостью – так, свою родную Индию Ханна относит то ко второму, то к третьему миру.

Термин «второй мир» вышел из употребления. Когда-то он означал страны социалистической ориентации. Сегодня я подразумеваю под вторым миром те государства Восточной Европы и Центральной Азии, Южной Америки, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии, про которые можно с равным успехом сказать, что они бедны и богаты, развиты и недоразвиты, сверхсовременны и отстали, космополитичны, выстроены на племенных началах – и все это в одно и то же время.

Это не какое-то переходное состояние между третьим и первым мирами. Скорее речь идет о таком перманентном порядке вещей, когда не государство в целом коллективно определяет победителей и проигравших, а отдельные города или корпорации.

За 2005–2007 годы я объездил более сорока стран второго мира и везде слышал одно и то же: что каждая из этих стран собирается обустроить собственное будущее по-своему, а не по указке из Вашингтона – или любой другой иностран-

* Статья представляет собой выдержки из книги Парага Ханны «Второй мир: империи и влияние в новом глобальном миропорядке». Опубликовано в журнале «Prospect», май 2008.

ной державы. Министры в Казахстане твердили про «особенный казахский путь», индийские дипломаты хвастались «особым индийским», бразильские чиновники уверенно говорили о «бразильском пути». Все они хотят пользоваться благами глобализации – но не плясать под дудку Америки. У этих стран могут быть серьезные внутренние проблемы, но все они – игроки на новом геополитическом рынке, где Европа и Китай предлагают пакеты торговых преференций, военной и экономической помощи на условиях как минимум столь же выгодных, что и США. Зачем идти в союзники к кому-то одному, если можно стравливать всех со всеми – и получать в результате то, что тебе нужно? Взять, к примеру, Индию: ее торговый оборот с Китаем растет не по дням, а по часам, значительную часть своих вооружений она закупает у России, а с США торгует из-за своей ядерной программы. Эпоха «неприсоединения» прошла – наступило время присоединяться ко всем сразу!

Между «богатым Севером» и «бедным Югом» сложилась мощная прослойка из стран второго мира. В своей статье «Мир без Запада», опубликованной недавно в *The National Interest*, Стивен Вебер обращает внимание на самоутверждение азиатских стран и новые политические блоки – такие как Шанхайская организация сотрудничества. Однако дело не в одном только подъеме Китая и Индии.

Второй мир – это еще и государства – экспортеры нефти по всему миру, арабские шейхи с огромными суверенными инвестиционными фондами и прочие «колеблющиеся» государства – от Бразилии до Малайзии. Во многих отношениях эти «развивающиеся рынки» давно уже развились: туда направляется основная масса инвестиций, они располагают самыми большими золотовалютными запасами, а потребление в этих странах растет такими быстрыми темпами, что западные производители просто не могут игнорировать их требования.

Особенно бросается в глаза, как второй мир потрясает основы западного миропорядка в таких экономических организациях, как Всемирный банк, МВФ и ВТО. Правила голосования в совете директоров МВФ постепенно меняются. Каждый год все громче звучат требования, что руководство как этой организации, так и Всемирного банка не должно выбираться автоматически – по представлению Вашингтона, Лондона или Парижа. Обе эти структуры предоставляют помощь – а под нее и «рекомендации» – одной только Африке, так как азиатские страны со своими долгами расплатились. И организуют свой собственный Азиатский валютный фонд. В то же время Бразилия и Аргентина, еще недавно бывшие крупнейшими должниками МВФ, ускоренными темпами погашают свою задолженность, причем Аргентина – за счет 2,5 миллиарда долларов, предоставленных Уго Чавесом. Так что теперь они могут больше не оглядываться на Вашингтон. Что же касается ВТО, то сегодня все очевиднее становится, кому в итоге придется идти на уступки, чтобы сдвинуть с мертвой точки переговоры о снятии торговых барьеров, начавшиеся в Дохе: Западу.

Однако феномен второго мира не ограничивается только экономикой. Возьмем, к примеру, реформу Совбеза ООН: главные кандидаты в новые постоянные члены это Бразилия, Индия, ЮАР и Нигерия. Или уже упомянутая Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) – новый альянс, где доминируют Китай и Россия и который иногда называют «НАТО для Востока». Он определяет правила торговли, задает стандарты бизнеса, формирует политику в области противодействия терроризму и наркоторговле для всей Центральной Азии. Скоро в него вступят Иран, Афганистан и Пакистан. На недавнем саммите ШОС в Кыргызстане Россия и другие члены этого альянса потребовали созвать международную конференцию, чтобы обсудить пути урегулирования афганского кризиса. Тем самым они дали понять, что НАТО с этой задачей не справились. В Афганистан под руководством Китая планируется направить «временную миссию по восстановлению»; Пекин получил права на разработку медного месторождения в провинции Логар – возможно, крупнейшего в мире; кроме того, китайцы построят там железную дорогу и электростанции.

Одновременно силу набирает новый панарабизм. Он опирается на нефтяные доходы, которые больше не переводятся в Лондон или Женеву, но вкладываются непосредственно в страны Персидского залива. На эти деньги здесь возводятся отели, расширяется жилищное строительство, создаются новые рабочие места, медиагиганты – такие как «Аль-Джазира»

и «Аль-Арабийя». На них же втихую сотрудничают с исламистскими движениями – чтобы поддерживать массовое неприятие вмешательства Запада в арабские дела. Особенно сильно эти новые тенденции ощущаются в Дубае – новой столице арабской цивилизации (см. PROSPECT за апрель 2008 года). Здесь первоклассные европейские технологии и менеджмент, соединившись с людскими ресурсами азиатских стран третьего мира, создали на берегах Персидского залива Манхеттен XXI века.

Второй мир меняет мир в целом – но не контролирует его.

На сегодняшний день не менее остро ощущается относительный упадок США, с одной стороны, и все возрастающий напор Евросоюза и Китая – с другой. Это пока еще не многополярный мир – и уж, конечно, не в военном смысле. Однако эти три центра силы, безусловно, представляют собой самостоятельные имперские системы, которые притягивают к себе страны как третьего, так и второго мира.

Между «богатым Севером» и «бедным Югом» сложилась мощная прослойка из стран второго мира

Трения уже ощущаются в таких областях второго мира, как Южная Америка, где нарастающее экономическое присутствие Китая (особенно в Венесуэле и Бразилии) подрывает «доктрину Монро», суть которой: Латинская Америка – это исключительная сфера влияния США. И вот уже в Пекин без особого шума прибывает миссия из Вашингтона – чтобы предупредить о недопустимости «подрыва демократии в регионе».

Между тем Китай договорился с Нигерией о предоставлении этой стране займа на сумму пятьдесят миллиардов долларов – больше, чем тратят в год на зарубежную помощь все страны Запада вместе взятые.

Ослабление влияния Вашингтона заметно и в Саудовской Аравии: свои военные базы здесь американцы покидают, тогда как местный королевский режим начинает все более равномерно распределять инвестиции между США, Европой и Китаем.

В годы холодной войны и сразу после нее сложилась географическая аномалия: Америка была в состоянии управлять всем миром «из одного угла». Но теперь подъем переживают Европа и Китай, занимающие противоположные концы Евразии; сферы их влияния расширяются навстречу друг другу и рано или поздно столкнутся где-нибудь около Каспийского моря. Именно это делает Россию вторым по значению «колеблющимся» государством в мире.

Но Россия понимает, что долго все эти разговоры про стратегическое партнерство с Китаем не продлятся. Ведь китайцы все интенсивнее эксплуатируют минеральные и лесные ресурсы российского Дальнего Востока. Сами же русские «голосуют ногами» – мигрируют на запад, покидая Сибирь ради регионов с более благоприятным климатом. И оставляют практически пустыми богатые природными ресурсами просторы у самых границ страны, острее всех в мире нуждающейся в этих ресурсах. При виде того, как поднимается настоящий Восток, Россия рано или поздно поймет, что сама она находится в одной лодке с Западом. Но пока Россия вполне укладывается в архетип страны второго мира: державы-высочки, ведущей свою игру.

Это же можно сказать и про Турцию. Хотя в годы холодной войны эта страна и слыла цитаделью НАТО, но в 2003 году она уклонилась от участия в американской войне в Ираке и как никогда раньше стремится к постоянному сотрудничеству с Евросоюзом. Достаточно только взглянуть на сверкающие небоскребы Стамбула, чтобы стало ясно: даже если Турция никогда не станет полноправным членом Евросоюза, она становится все более и более европейской державой. Турция получает три миллиарда прямых иностранных инвестиций из ЕС. Плюс 23 миллиона туристов только за прошлый год. Девяно-

сто процентов турецкой диаспоры проживает в Западной Европе, посылая домой ежегодно более миллиарда долларов в виде денежных переводов и прямых инвестиций. Этот капитал способствует экономическому подъему в восточных районах страны, где строятся новые дома, ковровые фабрики и школы.

Однако рост благосостояния Турции, ее крепнущая вера в собственные силы – все это также подпитывает и в Стамбуле, и в Анкаре «неоосманский дух» – чувство, что турки достаточно сильны, чтобы играть по своим правилам и в Ираке, и в Курдистане, и в отношениях с Сирией и Израилем. Как и на Кавказе. С увеличением количества нефти, поступающей из Азербайджана по трубопроводу Баку – Джейхан, через Турцию теперь проходит транзит, обеспечивающий до десяти процентов потребности Запада в энергоносителях.

Вы можете спросить: так все-таки, кто кого тянет за собой? Сверхдержавы второй мир – или второй мир сверхдержавы? Ответ прост: никто.

Второй мир превращается в самодостаточный антиимпериалистический пояс, внутри которого крепнут межрегиональные связи. Россия предложила построить ядерные реакторы в Иране и Ливии, Казахстан и Малайзия проводят конференции по развитию взаимных торговых связей, а между Ираном, Индонезией и Венесуэлой складывается нефтяная картель. Китайцы напрямую летают в Бразилию, бразильцы – в Африку; индийцы вкладывают деньги повсюду от Сирии до Вьетнама, а инвестиционный фонд Абу-Даби вкладывает сокровища эмирата и на Уолл-стрит, и на Нанкинской улице Шанхая – символе китайского экономического чуда.

Масштабы, сложность и прочность связей внутри второго мира, теперь уже без посреднических услуг Вашингтона или Москвы, ни одна держава не в состоянии контролировать.

Чтобы понять произошедшие перемены, необходимо мыслить в региональных категориях: следить, как накапливаются и перераспределяются силы в Восточной Европе, Центральной Азии, Южной Америке, на Ближнем Востоке, в Африке и в Юго-Восточной Азии, и оценивать относительное – притом постоянно меняющееся – влияние в этих регионах США, Европы и Китая.

Когда-то Америка доминировала в Тихоокеанском регионе посредством несимметричных союзов с Австралией, Японией, Кореей и Таиландом. Однако на смену им приходят региональные структуры – от АСЕАН до Ежегодного азиатского саммита, куда США не приглашают. Главенствовать в этом новом «азиатском полумировом порядке», объединяющем все страны между Индией, Австралией и Японией, безусловно, будет Китай. Торговый оборот внутри «Великой Восточной Азии» уже больше, чем с Америкой. Впечатляющая сеть мегаполисов глобального значения, расположенных в регионе: таких как Токио, Тайбэй, Сингапур или Сеул, – все более и более играет роль каналов, по которым инвестиции притекают либо в Китай, либо в проекты и кампании с высокой долей китайского участия.

Такое впечатление, что в Азии возрождается ее исконная имперская традиция, сложившаяся на тысячу лет раньше западной, так называемой Вестфальской системы национальных государств. И ядром этой иерархической империи служит Китай.

Китай, возможно, и является такой же сверхдержавой в Азиатско-Тихоокеанском регионе, как США в своем полушарии или Европа в Евразии. Однако не стоит забывать, что во втором мире все играют со всеми – причем одновременно. Япония – страна первого мира – поддерживает прочный союз с Америкой и в случае чего может быстро вооружиться. Одновременно Индия – страна третьего мира – также все теснее сближается с США: за счет помощи в военно-морской сфере, поставок вооружений и так называемой ядерной сделки. Малайзия и Таиланд продолжают проводить совместные учения с Америкой, однако при этом все больше оружия закупают в Китае.

Геополитические теории предсказывают, что в такое время и в таком регионе, где слабеющий гегемон (США) и набирающий сил претендент (Китай) начинают меняться ролями, конфликт неизбежен. И вскоре мы узнаем, верны эти теории или нет...

Хватит притворяться, будто США сохраняют мировое лидерство, пока кто-нибудь прямо не бросит им вызов. Посмотрите, чего они добились своей внешней политикой за последние годы: неудачи в Ираке и Афганистане; уничтожить «Аль-Каиду» им не удалось, добиться мира в Палестине – тоже; договориться о свободной торговле или помириться с Латинской Америкой – снова неудача. И этот список можно продолжить.

Вашингтон стал осторожнее с интервенциями и «демократизацией» не потому, что на него внезапно снизошло озарение – это следствие шока.

Америка осознает необходимость «мягкого курса» и народной дипломатии, потому что жесткий курс потерпел крах и другой альтернативы просто нет. Конечно, Америка не сможет навести порядок у себя дома за один-единственный инаугурационный день в январе 2009 года. Госдепартамент пребывает в упадке, который стороннему человеку просто трудно себе представить. И никто, похоже, не знает, как восстановить престиж Америки. Вместо трезвомыслящего руководства, основанного на опыте, знании фактов и полезных связях, мы слышим – от разных бывших сотрудников администраций Клинтона и Буша-младшего – только благоглупости и нечленораздельные утопии. Сочиняются пышные акронимы для различных многонациональных организаций – при том, что даже реформа Совбеза ООН за целое десятилетие так и не сдвинулась с мертвой точки! Собираются создать мощный корпус гражданского резерва – и в то же время конгресс на десять процентов урезает бюджетные ассигнования на дипломатию!

Так все-таки, кто кого тянет за собой? Сверхдержавы второй мир – или второй мир сверхдержавы? Ответ прост: никто

Все эти предложения годятся для мира, которого уже больше нет, – причем делаются в стране, у которой больше нет ни сил, ни желания проводить их в жизнь.

Новый вызов Западу состоит не в том, смогут ли занятая своими проблемами Европа и упрямая Америка договориться между собой. Вопрос в том, сумеют ли они направить в нужное русло все возрастающий напор второго мира.

Сумеют ли трансатлантические державы задать стандарты глобальной торговли, экологической политики или передвижения рабочей силы? Удастся ли им остановить экспансию радикализма в арабском мире? Сумеют ли они как-то повлиять на поставки китайского оружия в Судан или Бирму? Сумеют ли помешать России восстановить контроль над своим ближним зарубежьем и манипулировать рынком газа? На эти вопросы придется ответить и Бушу, и Барраку, и Баррозу. Каждому, кто претендует на руководство Западом с большой буквы. Если только он еще верит в силу Запада.

Перевод Алексея Корнилова